

## Глава 77: Второй Дневник

Иногда казалось, что время ползет со скоростью улитки. Иногда за ним было трудно угнаться. Иногда люди вдруг начинали задаваться вопросом: "А? Как прошло столько дней? Мне до сих пор не удалось сделать то-то и то-то..."

Время определенно двигалось слишком быстро для Клода. Два месяца, в течение которых он восстанавливался после травмы ноги, делали каждый день похожим на год. Любой, чья левая нога была закована в гипс, чувствовал бы то же самое. Неудобства в повседневной жизни были данностью. Клод не мог вынести запаха, который начал возникать в его теле из-за невозможности принимать ванну. Не помогало и наступившее лето, он начал часто потеть. Все, что он мог делать, это использовать большую, влажную льняную ткань, чтобы вытираться каждый божий день.

После своего первого визита он еще четыре раза ходил к аптекарю. Поначалу он ходил три раза в три дня, позже стал раз в неделю. Во время каждого визита он не мог избежать кровопускания от старого травника. Только после последнего визита его боль наконец прекратилась. Старик сказал, что у него больше нет остатков крови, и он сможет двигаться как обычно после ещё одного месяца отдыха. Однако ему все равно придется позаботиться о своей только что восстановившейся ноге и постараться изо всех сил не давить на нее и по возможности оставаться на месте.

Поэтому Клод послушно оставался на чердаке со своими книгами на протяжении всего периода выздоровления. Даже в 10-й день 9-го месяца, который был праздником урожая Великой Богини Земли, он оставался на своем чердаке и наблюдал за парадом на улицах, не присоединяясь к празднеству сам.

Клод был не единственным, кто сидел взаперти в своем доме, чтобы прийти в себя. В трех его друзьях произошла перемена. Великокро изменился меньше всего - он стал еще тише, чем прежде. Однако, превратился в рыбацкого маньяка и всегда приносил удочку и деревянное ведро на берег озера в одиночку, вместо того чтобы попросить остальных пойти с ним.

Эриксон был занят ремонтом своей рыбацкой лодки и не просил своих друзей помочь ему. Всю работу он выполнял один: покупал доски такой же толщины, как и те, что были на его лодке, сушил их на пристани, удалял сломанные части лодки и заменял их под руководством Пегга. После около месяца ремонта корабль, наконец, смог снова выйти в море. Но теперь Эриксон больше не звал своих друзей путешествовать вместе с ним, а вместо этого часто совершал многочасовые путешествия вокруг озера Балинга.

Больше всех изменился, несомненно, Боркал. Вероятно, он был подавлен унижением и потрясением, вызванными аукционом крокодилей туши. Он разделил четыре кроны, полученные от сэра Фукса, с остальными и заплатил только за ремонт лодки Эриксона три таля. Он также заплатил Клоду два таля в форме медицинской помощи.

Боркал потратил всю свою долю от продажи. Несмотря на то, что остальные сказали, что они

будут нести бремя продажи в равной степени, он настойчиво отклонил их предложение. Боркал сказал, что только так он сможет почувствовать себя лучше. Именно его ошибка привела к тому, что они потеряли еще больше прибыли, и только потратив свою долю, он сможет простить себя за это. Иначе он не смог бы заставить себя встретиться лицом к лицу со своими друзьями.

Остальные сначала хотели отдать один таль от продажи рыбы и птиц Боркалу, чтобы компенсировать это, но он настоял, чтобы его добавили к их собственному небольшому общему фонду. Хотя Боркал считал, что его выступление на аукционе было ужасным, он все же хотел, чтобы все было честно, прямо как их казначей. Так как они уже заранее договорились о том, что субпродажа будет добавлена к их общему фонду, именно в этой роли.

Клод удивлялся, почему его друзья потеряли желание тусоваться с тех пор, как он начал оставаться дома. Если не считать школьных занятий, все трое не собирались вместе. До этого они постоянно требовали найти какое-нибудь интересное занятие по воскресеньям. Однако теперь они действовали сами по себе. Даже во время трехдневного перерыва на праздник урожая никто никуда не ходил, они просто следовали за парадом по городу.

Великро поговорил с Клодом наедине, чтобы ответить на его вопросы. Он считал, что Эриксон был напуган дракой с крокодилом. Это показывало ему, насколько он уязвим на самом деле, и теперь он слишком напуган, чтобы что-то предпринимать.

Эти двое быстро заговорили при всех, но втайне и он, и Боркал теперь до смерти боялись попасть в подобную ситуацию. Эпизод со змеей не повлиял на них, потому что они на самом деле не испытывали его, но они были в центре всего этого крокодильного бизнеса. Все они пришли к выводу, что только Клод может справиться с подобными ситуациями, и теперь, когда он реабилитируется, никто не хотел рисковать, столкнувшись с чем-то подобным или даже вполнину таким же ужасным, как крокодил.

Клод тогда рассмеялся, но втайне был благодарен судьбе за то, что эти двое были вынуждены принять более разумный взгляд на самих себя и окружающий мир. Они были правы, поскольку он был единственным, кто доказал, что может справиться с такого рода встречами, и он был полностью вне картины на данный момент. Он ходил в школу, потом возвращался домой и либо спал, либо читал дневники. Он уже столько раз прочитал их, что мог бы повторить их слово в слово.

Они ответили на многие его вопросы, хотя и не на все. Один из его главных вопросов заключался в том, почему Ландес стал магом первого рунного ранга, а не магом первого кольца. Он определенно совершил переход в какой-то момент, поскольку его поваренная книга дневника говорила, что он был магом четвертого кольца.

На этот вопрос ему ответил второй дневник. Оказалось, что "звания" были чем-то, сродни полушагу в соответствующем количестве колец. В случае рунной магии первого ранга они могли контролировать ману внутри своих тел, но еще не изучили и не освоили никаких заклинаний. Чтобы стать рунным магом первого кольца, первый ранг должен был уметь складывать формации в этом пустом пространстве и выгравировать свою гексаграмму, которая

позволяла ему произносить заклинания.

В гексаграмме было семь промежутков: шесть треугольников и центральный шестиугольник. На каждом из них можно было выгравировать руническую формацию, и все семь были необходимы для произнесения заклинаний. После того, как все семь были выгравированы, маг должен был выучить несколько заклинаний. Как только они проходили тест, который требовал, чтобы они успешно применяли заклинания, которые изучили, они официально становились магами первого рунного кольца.

Семь образований не были равны ни по силе, ни по статусу. Главным образованием в шестиугольнике был центральный столб, на котором были вырезаны остальные шесть и который назывался хозяин. Остальные шестеро были известны как рабы. Вместе эти семь образований составляли ядро силы мага. Каждое заклинание имело соответствующее образование, которое должно было быть вырезано в диапазоне промежутка. Маг мог выучить больше, чем позволяли ему семь заклинаний в его гексаграмме. Он мог вырезать формации где угодно в своем пустом пространстве, но эти семь были ядром его репертуара и часто оставались самыми привычными и часто используемыми. Это было главным образом потому, что только руны, вырезанные в его гексаграмме, были постоянными. Все остальные руны быстро исчезали, а это означало, что их нужно было вырезать каждый раз, когда нужно было произнести соответствующее заклинание. Это было не очень трудно, но это означало, что эти заклинания всегда были медленнее в использование и целом слабее в их выходе, также они стоили намного больше маны.

Ландес провел большую часть своих ранних лет, исследуя гексаграмму и вырезанные на ней образования. Он обнаружил, что потребление магии было не только вопросом масштаба действия заклинания, но также сильно зависело от того, где была вырезана соответствующая руна. Если среднестатистический маг первого рунного кольца имел сотню единиц магической силы, то стандартное заклинание для него, созданное из формации, вырезанной в центральном шестиугольнике, стоило примерно одну или две единицы. То же самое заклинание, наложенное на формацию, вырезанную в одном из шести треугольников, стоило от трех до шести единиц. Однако если то же самое заклинание было произнесено из временного образования, вырезанного в голом пустом пространстве, его стоимость значительно возросла, составив в среднем около тринадцати единиц, хотя они варьировались от семи до двадцати единиц в зависимости от рассматриваемого заклинания.

Было еще одно различие между заклинаниями, основанными на постоянном образовании, и заклинаниями, основанными на временном образовании. Заклинания, произносимые из образований внутри гексаграммы, должны быть вызваны только одним или двумя слогами заклинания, и мастера могут делать это, ничего не говоря, вызывая его только мыслью. Однако те же самые заклинания, наложенные из образований вне гексаграммы, требовали более длинных заклинаний и серии жестов руками, которые становились длиннее и сложнее по мере того, как заклинания становились больше или сильнее.

Поскольку последнее из этих заклинаний требовало жестов и более длинных заклинаний, они также были значительно более склонны к неудаче. Если заклинатель пропустил или исказил один жест, или неправильно использовал или неправильно произнес один слог, в любой момент во время заклинания, все заклинание потерпит неудачу.

Что касается еще более сложных вопросов, то хоть временные образования, по своей природе, можно было менять так часто, как вы хотели, поскольку они довольно быстро исчезали, постоянные образования были именно постоянными. Однажды вырезанные, они были установлены на всю жизнь. В дальнейшем их уже никто не менял. Так что выбор этих начальных семи заклинаний был одним из самых больших выборов, которые мог сделать маг. И эти семь должны были быть самыми простыми заклинаниями-заклинаниями нулевого уровня. Заклинания, необходимые для заклинаний более высокого уровня, не вписывались в гексаграмму первого ранга.

Эта задача была несколько проще для магов поколения Ландеса, чем для тех, кто жил тысячу или более лет назад. Выбор действительных заклинаний, из которых они могли выбирать, быстро уменьшался, как и в прошлые века. Некоторые даже самые простые заклинания требовали материалов для заклинания, и когда магические материалы становились редкими или полностью расходовались, эти заклинания становились совершенно бесполезными и оставлялись. Ко времени Ландеса в каталоге оставались только те заклинания, которые можно было использовать, используя только ману, хранящуюся в теле.

Эта концепция была не так уж чужда Клоду. В начале автомобильной промышленности "хорошие" автомобили были быстрее или мощнее, они не заботились о расходе топлива. Но по мере того, как топливо начинало высыхать, "хорошими" становились те, которые были быстрыми или мощными при использовании гораздо меньшего количества топлива. Только самые роскошные игрушки богатых мальчиков могли позволить себе оставаться неэффективными.

Тот же принцип был применен и к магии. По мере того, как ресурсы становились все более редкими, акцент переключался с мощных, дорогостоящих заклинаний на баланс силы и эффективности, а в конечном итоге на универсальные заклинания, которые можно было использовать вообще без внешнего материала. Этот процесс уничтожил целые дисциплины в магии, в конечном итоге оставив только боевые действия и руны.

Рунные маги использовали руны, чтобы сфокусировать движение окружающей магии, чтобы дополнить собственную ману мага, чтобы направить ману мага для достижения более сложных результатов, которые в противном случае потребовали бы материалов, или чтобы сделать наиболее эффективное использование материалов, которые все еще были доступны. Боевые маги оттачивали свои заклинания и свои собственные способности, чтобы наилучшим образом использовать свою собственную ману в бою, с более широкой целью сохранения контроля над Фасланом, несмотря на уменьшающуюся силу заклинаний в их распоряжении.

Только белые стерлингские дворяне все еще широко использовали заклинания, требующие больших материальных затрат, хотя в последние годы перед их падением даже они стали весьма экономными.

Все семь заклинаний нулевого уровня, которые выбрал Ландес, имели какое-то отношение к алхимии. Он был вполне доволен своим выбором, хотя и сожалел об одном. Тавари посоветовала ему приберечь хотя бы один из своих шести треугольников для боевого заклинания. Он слушал его, но никогда не нуждался в том, чтобы использовать заклинание в

конце концов, и за эти годы он обнаружил несколько десятков других связанных с алхимией заклинаний, которые он использовал регулярно, он мог бы положить туда вместо этого.

Однако, совет Тавари был плох только в ретроспективе. Его логика была вполне здоровой. Мир больше не был безопасен, и с каждым годом он становился все хуже. Рунный маг или нет, но он должен был быть в состоянии защитить себя. Это было бы благоразумно даже без постоянно уменьшающейся власти магов и их контроля над простыми массами. Борьба за власть между магами и их ожесточенная вражда и соперничество сами по себе были достаточным оправданием, чтобы держать что-то под рукой. Даже если он никогда на самом деле не использовал заклинание, просто дать другим знать, что у него есть постоянная боевая руна, было бы достаточно, чтобы напугать большинство людей, о которых он должен был беспокоиться. Те, кто мог позволить себе игнорировать это знание, были теми людьми, с которыми он не мог встретиться лицом к лицу, даже если бы у него были только боевые заклинания.

Клод заметил тон благодарности за совет Тавари в письме Ландеса, хотя тот и сказал, что сожалеет о том, что принял его. Иметь постоянную формацию для боевого заклинания было бесконечно лучше, чем запоминать его для нормального использования через временную формацию. Ему, как рунному магу, никогда не разрешалось изучать более мощные боевые заклинания, чем те, которые были доступны для выбора начальных семи, и использование одного из этих заклинаний через временную формацию было пустой тратой маны. Они были совершенно бесполезны, если только их соответствующие образования не были постоянными.

Тавари также была права насчет сдерживающих свойств одного из этих заклинаний. Однажды его видели практикующим это упражнение, и после этого почти девять десятых всех людей, регулярно доставлявших ему неприятности, внезапно прекратили это делать.

Это было вполне нормально, подумал Клод, новички всегда издеваются над старшеклассниками. Однако большинство старших Ландеса владели магией рун и не имели никаких боевых заклинаний. Таким образом, они были полностью превзойдены им и не имели никаких шансов в бою. У него был огромный меч, и все его потенциальные противники имели только кулаки. Они могли бы просто одолеть его, если бы объединились против него, но многие из них все равно пострадали бы за это, и никто не хотел рисковать и становиться одним из пострадавших.

<http://tl.rulate.ru/book/18306/800284>